

«Я СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЮ...»

Как мы уже сообщали в своем отчете о презентации журнала «Новая Юность» (см. «КО» от 26 марта), корреспонденты «Книжного обозрения» встретились с известным писателем-сатириком Михаилом Задорновым. Сатирик приехал на вечер в Театр Михаила Жванецкого под занавес, когда гости, познакомившись с авторами журнала и отведав, чего Бог послал, собирались прощаться друг с другом. Поскольку за двадцать с лишним лет существования «КО» Михаил Задорнов ни разу не выступал на страницах нашего еженедельника, мы решили восполнить этот эстетический пробел, переходящий в политический прокол (говоря языком прошлых лет), и взяли у него интервью.

Кн. обозрение. — 1993. — 2 апр. (№ 14). — с. 3

— Михаил Николаевич, как вы оказались на этой презентации?

— Да вот — приехал с опозданием. Презентация уже закончилась... Самый ее большой недостаток — короткая. Значит, у журнала «Новая Юность» будет длинная жизнь.

— Наш разговор происходит накануне Первого Апреля. Нужен ли сейчас этот праздник? Или его следует отменить, заменив Первоапрельским съездом Советов?

— Да я уже съезд-то не смотрю. А вообще, это было бы хорошо. А еще лучше — выпустить календарик: от Первого Апреля — до Первого Апреля, причем Новый год, как вы понимаете, должен начинаться также с Первого Апреля. Так весь год будет юморины.

— Наш традиционный вопрос: какая книга лежит раскрытой на вашем столе? (Наступила пауза, которую, если верить Сомерсету Моэму, должен уметь «держат» каждый хороший актер.)

— Когда человек задумывается и вспоминает, какая книга лежит у него на столе, — это и есть самый хороший ответ.

— А вообще, у вас есть время для чтения?

— Разве что в самолете. Сейчас я усиленно учу английский (не знаю, зачем?). Мне тут как-то сказали, что интеллигентный человек должен знать английский, — я хочу быть интеллигентным человеком.

— А не будете ли вы тогда выделяться своим английским на фоне нашей русскоязычной деревянно-рублевой зоны?

— Может быть, для того и учу, чтобы выделяться.

— Пишется ли вам сейчас?

— Нет, я вообще бросил это дело, я поменял профессию.

— На какую?

— Я занимаюсь Фондом. И не собираюсь возвращаться.

— Кажется, Маркес также давал обет молчания.

— У него было больше денег.

— У вас их мало? Хватает на жизнь?

— Так, с трудом. На хорошую жизнь хватает.

ловека. Вы счастливы?

— Ну, это вы...
— Самый глупый читательский вопрос!

— Ну и самый глупый писательский ответ: я необычайно счастлив! Когда я сейчас был в Америке, там на вопрос: «Как дела?» — отвечают: «Замечательно!». Они на все вопросы отвечают, как роботы. Вот и я так же, как робот: «Великолепно!»

— Спасибо.
— А я думал, вы меня пошлете.
— А что — это тоже теперь принято в Америке?

— Нет, это наше! Все-таки должно быть что-то оттуда, что-то — отсюда. Мы же пародия на Америку. Значит, у нас должны быть пародийные прощания и встречи.

— Думается, «памятникам» Димыча такая «антирусскость» может не понравиться.

— Это кто такой? Я вообще-то плохо в них разбираюсь.

— Но вас-то точно зачислили в определенный лагерь — вам выбрали позицию.

— За меня выбрали, где я нахожусь? Это их трудности.

— Уж точно, вас поставили на саму баррикаду, как Свободу на картине Делакруа.

— Не знаю, ничего не знаю, не могу даже поддержать беседу, потому что узнаю все это постфактум. Я не веду светский образ жизни, чтобы все знать. Один раз поучаствовал в работе жюри в конкурсе красавиц — и больше не участвую. Видите, и сюда приехал с опозданием... Поэтому я не в курсе всех событий.

— Хорошо для российского писателя — не быть в курсе событий?

— Российскому писателю надо когда-то думать, а не только «быть в курсе». Когда он в курсе — это уже журналист.

— Говорят, Задорнов — это и писатель, и журналист, и артист вместе взятые. Может быть, это новый журнал, который называется «Задорновщина»?

— Наверное, таки есть. У каждого свой жанр. Но я в последнее время не писатель. Есть

такой жанр, который называется «комедианс». Стою и разговариваю: «ток-шоу». Это то, что у нас не принято делать. Передача «Вокруг смеха» приучила зрителей чтению по бумажке. А я думаю, что настоящие литературные рассказы не очень слушаются людьми, если они читаются по бумажке. Это должен делать хороший артист. У нас это было принято делать, хотя это противоречит естеству. Хорошие литературные рассказы должны читаться на бумаге, ради чего и создан журнал «Новая Юность». Слава Богу, что это у нас есть. Потому что в той же пресловутой (она мне осточертела!) Америке — отвратительная живопись, фильмы смотрят чудовищные...

— Вас хватало в Америке на картины, кино, живопись?

— Да, конечно, и в галереях был. Галереи ужасные. Живопись примитивная — без полутонов. У них есть приветствие: «How are you?» — «О, nice!» Вот такая же и живопись — без всяких полутонов! Фильмы они смотрят — вы сами знаете какие!

Посмотрел спектакли на Бродвее — пионерская драматургия! Это агиттеатр Семипалатинска при разбогатевшем спонсоре. Все крутится, вертолеты спускаются, «Титаники» разрушаются. Примитивные плачут над примитивными сценами прощания американского солдата во Вьетнаме со своей девушкой, у них рождается ребенок, он признает ребенка, забирает его, она стреляется...

Все! О чем вы говорите? Зачем нужны были «Вишневым сад» и «Дядя Ваня»? Зачем нужен был Шекспир, если все приходят к совершенно стройной формуле жизни для полуроботов?! Мы идем в этом же направлении. Если не будут появляться такие журналы, как «Новая Юность», нам совсем недолго осталось существовать. Те хоть полуроботы зажиточные: а мы нищие полуроботы.

— Вы нас сагитировали: в Америку мы не поедим!.. Еще

один вопрос: в журнале «НЮ» публикуются произведения для искушенного читателя, подготовленного, гурмана. Вы также опубликованы в первом номере. Задорнов стал писать для избранных?

— Я и не собираюсь таким быть. Я выражаю свои мысли в разных жанрах. Если мне хочется говорить о чем-нибудь более задушевном и вечном, я пишу рассказ на тему, которая меня волнует. А если я посмотрел сегодняшнее шоу на съезде, то мне хочется их приложить. Поэтому я выхожу и делаю это так, чтобы зрители понимали то, что я хочу высказать. У меня есть определенная разножанровость. И рассказ в «НЮ» — о другом... А так — «ток-шоу»!

— Помните, несколько лет назад у вас вышла первая ваша книжечка. Читая ее, мы ожидали, что это будет Задорнов, который приходит в дом «из телевизора», и вдруг — предстал Задорнов-лирик, Задорнов, который, как показалось, хотел написать серьезную прозу.

— С этого начиналось. Когда я был еще инженером. Потом оказалось, что за это не платят деньги, а за «ток-шоу» — платят.

— Продались, Михаил Николаевич?

— Продался, но не предал своих мыслей. Все равно я говорю то, что я думаю. Нельзя сказать: проданся, и все! Нет, вот не все еще! Еще теплится! Обычно в Театре Жванецкого следует говорить языком Жванецкого, так же расставляются запятые со множеством деэпричастных оборотов.

— Самое интересное, что вы стоите на том же месте, где несколько минут назад стоял сам Жванецкий и давал нам интервью. (Интервью с Михаилом Задорновым было опубликовано в «КО» от 26 марта).

— Сейчас я ему скажу, что на том же месте зарылся его энергией... Я начал сейчас писать роман «Любовь и нефть».

— В свете энергетического кризиса?

— У общества его только две цели: любовь и нефть. Или поступками движет любовь, или — нефть. Любовь — Господь Бог. Нефть — Дьяволиада. То, что там сейчас делается на съезде, — это нефть. Это только дураки не понимают, из-за чего идет спор. Спорят из-за того, кому продавать нефть и кому откладывать «бабки» в швейцарском банке. Спорят две партии: те, кто хапнул, и те, кто не успел. Все просто! Чего мне смотреть? Я все заранее знаю. Я не знаю, кто победит, но суть мне видна.

— Мы подозревали, что речь на съезде идет о какой-то высшей математике. А послушаешь вас — обыкновенная арифметика.

— До математики им далеко. Но единственное, что они из высшей математики освоили, — это интегрирование.

— Переведите — для гуманитариев!

— Умение суммировать. Вычислять, сколько получается в конечном итоге. Вот то единственное, что они умеют. И вообще, хватит меня спрашивать. Я так много знаю, что меня убьют и я ничего не напишу... С коммунистами было легче. Они не знали, кто меня санкционирует, а я все время делал вид, что кто-то разрешил. А кто — не говорил! И они все время находились в какой-то странной ситуации: вроде бы надо напасть...

Ко мне позвонил человек из Комитета: «Давайте с вами встретимся — поговорим...» — «Вы что, вызываете меня?» — «Нет-нет, я просто хочу посоветоваться». Такая новая форма — делать стукачей. Ну, мы с ним походили, погуляли, его, видимо, сфотографировали: мол, был со мной. А он в это время спрашивал меня: «Скажите, пожалуйста, в Театре эстрады будет праздник — как вы к этому относитесь?» — «Да нормально!» — «Так вы будете работать в этом концерте?»... Вот такой минут на двадцать разговор — ни о чем! Прошло какое-то время, и мне показывают досье: он написал, что провел со мной беседу, мол, я прислушался и больше так делать не буду...

***

На этом наша беседа с писателем оборвалась так же неожиданно, как и началась. Оказалось, что Михаил Задорнов и в самом деле слишком много знает, что создает угрозу для его жизни и жизни тех, кто его слушает и читает. Только как быть с теми тысячами и миллионами читателей и зрителей, которые внимают его речам?... Думается, Верховный Совет в ближайшее время должен заняться этим вопросом. Сразу после того, как разделается с Президентом... Чего уж там!

Беседовали
Александр ШУПЛОВ,
Денис ИЛЬЧЕВ.
Фото Н.КОЧНЕВА.